

RU

Лингвокультуремы, межкультурный трансфер и транскультурное моделирование (на материале русского и французского языков)

Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровайная Г. Т.

Аннотация. Цель исследования – выявление структурно-функциональных признаков межъязыковых и межкультурных трансформаций в процессе переводческой деятельности. Научная новизна работы состоит в комплексном построении когнитивно-коммуникативных форматов описания лингвокультурем в русле корреляций с национальной культурой, как на уровне лексем, так и как в пространстве законченного высказывания. Научная новизна исследования также состоит во введении в активный научный оборот теории языка терминов «когнитивно-дискурсное проецирование», «транскультурная модель» и «мыслеобраз» с целью уточнения понятийного аппарата и более чёткого семантического структурирования терминосистемы ономазиологии, теории языка и теории коммуникации. К одному из ключевых эпистемологических аспектов работы относится дальнейшая разработка проблематики лексикокультурной трактовки лингвокультуремного пространства как семиотической целостности и ценности. Важным моментом исследования выступает обнаружение корреляций между межкультурным трансфером и транскультурным моделированием метакультурного знания, иными словами, между лингвистическим и концептуальным анализом высказывания в русле интерпретивно-семиологического подхода.

EN

Linguoculturemes, intercultural transfer and transcultural modeling (based on the Russian and French languages)

Sedykh A. P., Akimova E. N., Bezkorovaynaya G. T.

Abstract. The study aims to identify the structural and functional features of interlanguage and intercultural transformations in the process of translation activities. The scientific novelty of the work lies in the complex construction of cognitive and communicative formats for describing linguoculturemes in line with national culture correlations, both at the level of lexemes and in the space of a complete utterance. The study is also novel in that it introduces into the active scientific use of the theory of language the terms “a cognitive-discourse projection”, “a transcultural model” and “a mental image” in order to clarify the conceptual apparatus and ensure a clearer semantic structuring of the terminological system of onomasiology, the theory of language and the theory of communication. The further development of the problems of lexicultural interpretation of the linguistic and cultural space as a semiotic whole and value represents one of the key epistemological aspects of the work. The discovery of correlations between intercultural transfer and transcultural modeling of metacultural knowledge, in other words, between linguistic and conceptual analysis of an utterance in line with the interpretative-semiological approach, is an important point of the study.

Введение

Актуальность работы видится в повышении роли интеркультурного и транскультурного восприятия информации и в растущей востребованности аксиологических построений в русле поиска адекватных оценок и решений для конструктивной синергии индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание метакультурных основ для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей в русле перспектив осуществления успешного транскультурного общения.

Каждая дисциплина, каждая сфера деятельности и вообще каждая область знаний имеет свою терминологию. Исследования перевода не являются исключением: проблемы, на которые наука о языке должна постоянно

отвечать, заставляют ее корректировать не только свои инструменты оценки, но и свои концепции. Если лингвистика оперирует такими базовыми единицами, как фонема, морфема, предложение, то переводоведение призвано сконструировать собственный метаязык, чтобы основать собственный критический аппарат оценки и анализа.

Центральными задачами данного исследования являются: лингвокогнитивное и семиологическое описание категорий «лингвокультурема», «межкультурный трансфер» и «транскультурное моделирование»; анализ способов функционирования лингвокультурем с целью устранения терминологических накладок; разработка транскультурной модели межкультурного трансфера при переводе фразеологических единиц и коррелирующих лингвокультурем; реконструкция лингвосемиотической архитектоники метакультурного дискурса.

Начнём с понятия «лингвокультурема». Значения термина в теории лингвокультуры и языкового переноса, в социологии культуры и социолингвистике позволят нам семантически отграничить его от других родственных понятий и выявить его переводоведческое значение. Изучение бинарных оппозиций: *лингвокультурема* – перевод, *лингвокультурема* – коннотация, *лингвокультурема* – неологизм – позволяет выявить черты лингвокультуры: монокультурность, относительность статуса лингвокультуры и автономия лингвокультуры по отношению к переводу. Чтобы облегчить выбор адекватных процедур перевода, в первой части исследования представлена общая классификация лингвокультурем, в которой особый акцент делается на устойчивые словесные комплексы, рассматриваемые как значимые формы для национальных языковых культур.

Переводоведение интегрирует понятия, заимствованные из различных областей гуманитаристики: общего языкознания (означаемое, означающее, синтагма), дифференциального языкознания (транспозиция, смена морфологического и синтаксического класса и смена грамматической категории), грамматики (замена времени, вида), риторики и стилистики (персонификация, метафора), приемов письменного дискурса (структурная перестройка, сгущение), педагогики (общая цель, конкретная цель), терминологии (терминологический список, совершенно отличный от лексикологического списка, язык специальности), лексикологии (заимствование, отслеживание), литературного анализа (анализ и интерпретация дискурса) и когнитивной психологии (когнитивные аспекты, концепт).

При этом переводоведение также имеет свой терминологический аппарат, единогласно признанный специалистами в данной области (переводоведение или единица перевода, стратегия перевода, учебный перевод, научный перевод, дословный перевод, смысловой перевод, сопоставительный перевод), который перманентно обогащается новыми терминами, как и в случае с термином «лингвокультурема». Основополагающей задачей будет акцентировать внимание на важности выявления этой единицы, несущей культурную информацию, для правильного понимания ее информативного содержания и ее адекватного повторного выражения (перевода) в ходе *межкультурного трансфера*.

Мы рассматриваем термин «культура» одновременно в устойчивой и в динамической ипостаси, разделяя концепцию ряда исследователей: «Слово “культура” в том антропологическом смысле, в котором мы его используем сегодня, является изобретением второй половины XIX века и примерно эквивалентно слову “цивилизация”: оно обозначает все “вещи”, которые отличают людей от других видов живых существ, обитающих на Земле» (Streeck, 2002, p. 300).

Культура и слово – понятия нераздельные. Реконструкция значения слова – это также реконструкция культуры, к которой это слово принадлежит. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Рикёр, 2004; Карасик, 2016; Pruvost, 2000; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Исследование опирается на теоретико-практический и практико-ориентированный подход, основанный на концептуализации значения не только как информационной утилиты, но и наделенной функциями, направленными на удовлетворение творческих и переводческих потребностей реципиента дискурсных данных (Седых, 2022).

Итак, первый и второй разделы посвящены теоретическим размышлениям о способах категоризации лингвокультурем, а также представлено описание сущностных характеристик межкультурного трансфера. Третий раздел посвящён практическому освоению положений теоретической части в качестве эпистемологического эксперимента в русле построения алгоритма перевода фразеокультурем и реконструкции этапов транскультурного моделирования. В заключении подтверждается необходимая связь транскультурной модели с базовым функционалом и общечеловеческой прагматикой высказывания.

В нашем исследовании вводится термин «транскультурная модель», содержание которого указывает на *реконструкцию универсального знакового мыслимого образа* моделируемой лингвокультуры одного языка (на уровне смыслового вывода), который позволяет выйти на эквивалентную лингвокультуру другого языка. Базовый элемент переводческой транскультурации – *когнитивно-дискурсное проецирование* индивидуального опыта в пространство новой лингвокультуры в рамках селективной репрезентации фрагментов исходного дискурса. В терминах Гюстава Гийома когнитивно-дискурсное проецирование перекликается с трёхактной концепцией функциональной ономастиологии о фундаментальных механизмах «обычного» мышления, которые участвуют в генезисе языка, понимаемого как система представлений:

1. *Экстракция потенциального означаемого (signifié de puissance)* как промежуточный этап создания вариативной зоны означающих.
2. *Проекция знака* в пространство реализации репрезентаций, иными словами, когнитивный сектор зора (*champ de vision*).
3. *Размещение модели проецируемого номинанта (saisie de la notion nominale)* в редуцированное или экстенсивное поле высказывания (дискурса).

Потенциальные означаемые понимаются как операциональные виртуальные единицы, которые актуализируются при помощи интенсификации дискурсной активности (когнитивного целеполагания) субъекта, схватывая искомым номинант в любой нужной точке движения операционального хронотопа, который качественно преобразуется под воздействием селективных модальных признаков дискурса; поэтому в функционировании языка все кинетично и механично (Guillaume, 1982).

В нашем исследовании алгоритм перевода, в частности этап поиска смыслового вывода и вариантов перевода, функционирует в рамках следующей концептуальной схемы:

1. Экстракция искомых означаемых в их корреляции с арсеналом означающих.
2. Создание мыслеобраза в качестве репрезентативной базы для будущих означающих.
3. Управляемый захват номинанта с выходом на искомое означаемое.

Речь идёт не столько о структурно-композиционных характеристиках метакультурного континуума, сколько об универсальности и эффективности методики лингвосомиотического анализа сигнификативного содержания лингвокультурем в рамках любого фразеологизма, лингвокультурного пространства и исторической эпохи. В адекватной и конструктивной методике мышления нуждаются не только филологи, но представители культурологии, психологии, социологии, иными словами, гуманитарная парадигма научного знания.

Материалом для исследования послужили следующие словари: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4-х т. М.: АСТ-Астрель, 2004. Т. 4; Larousse. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. P., 2013; Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: PUF, 2007; Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014; Dictionnaire culturel en langue française: en 4 t. / éd. par A. Rey, D. Morvan. P.: Le Robert, 2005. Т. 1.

Фразеологизмы как объект исследования традиционно пользуются особым вниманием языковедов (Карасик, 2007; 2016; Седых, 2022; *Identités sociales...*, 2009; Rey, 2020). Тем не менее, как любой многозначный феномен, теория лингвокультурем имеет большой потенциал эпистемологического развёртывания, что отражается в ряде работ филологов, социологов, переводоведов (Morin, 2006; Rastier, 2009; Седых, Марабини, 2021).

В теоретическую основу работы положены концепции следующих исследователей и направлений: лингвокультурологии (Воробьев, 2008); металексикографии и лексикологии (Quemada, 1987; Pruvost, 2000; *Dictionnaire culturel...*, 2005), теории этнокультурных следов языкового знака и языковой личности (Седых, 2022; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023), дискурсной идентичности (*Identités sociales...*, 2009; Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005; Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018). Дополнительным элементом категоризации языкового материала явились идеи нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосомиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Guillaume, 1982; Babu, 2014; Tabachnick, 2011; Седых, Бузинова, Иванова, 2023), переводоведения (Седых, Гливич, 2011; Седых, Марабини, 2021).

Значимость теоретических построений работы видится в разработке лингвосомиотического подхода к изучению лингвокультурем, с введением дополнительных синергетических параметров метакультурного и транскультурного кластера. Анализ эмпирического материала позволяет говорить о подтверждении научных положений теории языка и переводоведения, теории дискурса и лингвосомиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории транскультурного моделирования, в частности метакультурной картины мира и нового терминологического арсенала эпистемологической направленности.

Методы исследования включают в себя когнитивно-коммуникативную интерпретацию словесных комплексов, а также выделение метакультурных признаков речевой рецепции и коммуникации с целью создания условий для обозначения реалий транскультурной активности.

Практическая значимость исследования видится в применении его результатов в процессе преподавания лингвосомиотических основ языкознания и метакультурного дискурса, на лабораторных занятиях филологических и переводческих специальностей, в рамках практических курсов по подготовке преподавательского состава педагогических институтов и преподавателей языковых и классических университетов.

Обсуждения и результаты

Лингвокультуремы

Современные исследователи важную роль в репрезентации картины мира отводят релевантным культуре языковым единицам – лингвокультуремам. В отличие от слова, лингвокультурема включает в себя не только языковое значение, но и культурный (неязыковой) смысл. Например, слово “apéro” означает «аперитив» (лингвистическое значение). Но это слово-реалия имеет большое культурное значение для носителей французского языка. Во Франции аперитив – это по определению момент перед ужином (около 17:00), когда вы наслаждаетесь бокалом алкогольного или безалкогольного напитка и чем-нибудь перекусить. Это угощение, которое может предшествовать еде, момент веселья, когда люди собираются вместе, чтобы поесть и выпить, болтая и общаясь, не обязательно планируя потом перекусить. Всё чаще и чаще речь идёт о легкой закуске, которую также можно назвать «ужином-аперитивом», если она полностью заменяет основной прием пищи. Можно сказать, что аперитив – это ритуал, который отмечает разделение между работой и отдыхом. У французов это синоним благополучия и досуга. Это момент общения, где имеют место импровизация и спонтанность. Как видим, термин “apéro” во французском мире выступает культуроцентрической языковой единицей, соотносимой с понятием «национальная идентичность» (Седых, 2022).

Для обозначения культурно значимых языковых единиц Владимир Васильевич Воробьев предложил термин «лингвокультурема». Лингвокультурема – это сложная, межуровневая языковая единица, диалектическое единство как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, соотношения формы речевого знака, его смыслового содержания и культурного смысла (Воробьев, 2008).

Лингвокультурема могут быть выражены различными языковыми формами, включая слова, словосочетания, фрагменты текста, фразеологизмы, стилистические приемы, синтаксические конструкции и даже весь текст. Источники лингвокультурема могут быть разными в каждой культуре, например реалии, географическое положение, описательный текст, имена известных людей, описание места, мифы, легенды, климат, образы, верования, еда, обычаи и традиции в одежде. Соответственно, лингвокультурема могут быть представлены безэквивалентной лексикой, антропонимами, мифологемами, фразеологизмами, паремиями, речевыми формами этикета, образными средствами. Приведём группу реалий, релевантных для нашего исследования:

1. Реалии, которые можно разделить на ряд категорий:

- природно-географические реалии: рус. степь, фр. *mistral* (мистраль (сильный и холодный северный ветер на юге Франции));
- этнографические реалии: прагматонимы и бытовые слова – беляш, парка (одежда эскимосов), салун, аперитив (слабоалкогольный напиток перед едой для возбуждения аппетита), дижестив (коктейль, арманьяк = напитки после еды, способствующие улучшению пищеварения);
- транспорт: рикша (повозка, запряжённая человеком, в странах Южной и Восточной Азии = фр. *pousse-pousse*), такси-брус (общественный транспорт на Мадагаскаре = фр. *taxi-brousse*), автобус-амфибия (туристический транспорт в Нидерландах, Венгрии, Канаде), пивной велосипед («барная стойка на колёсах», приводимая в движение пассажирами), бамбуковый поезд в Камбодже;
- искусство и культура: кантри (сельская музыка), блюз, банджо, поп-арт, нон-арт (направление в современном авангардистском искусстве), богатырь, арлекин;
- праздники: День независимости, Рождество, Пасха, День матери;
- этнические понятия: апачи, казак, гот, янки;
- мера и деньги: фут, бушель, пенни, аршин, лье, сажень, фунт, пинта;
- общественно-политические реалии: мэрия, шериф, Дума, префектура, хутор, губерния, штат;
- одежда: пончо, сомбреро, кимоно, кафтан.

2. **Пословицы и поговорки:** рус. Лучше синица в руках, чем журавль в небе; фр. *On ne fait pas d'omelette sans casser des œufs.* / букв. 'Не разбив яиц, омлета не сделаешь' ≈ Лес рубят – щепки летят; фр. *Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours.* / букв. 'Нет ни красивых тюрем, ни уродливой любви' ≈ Любовь зла, полюбишь и козла; фр. *Il n'y a pas de grenouille qui ne trouve son crapaud.* / букв. 'Нет лягушки, которая не нашла бы свою жабу' ≈ На каждый товар – свой купец (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. С.).

3. **Канонические афоризмы и цитаты:** рус. Хотели сделать лучше, а получилось как всегда (Черномырдин); фр. *Ce n'est pas possible; ce n'est pas français.* / Невозможно – это не по-французски (Наполеон).

4. **Этнокультурно окрашенные тексты, фольклор:** рус. Разлилась, разлилась речка быстрая, / Разлилась, разлилась речка быстрая. / Серы камушки – это ж глазки мои, / Серы камушки – это ж глазки мои. / Шелковая трава – это ж волос мой, / Шелковая трава – это ж волос мой. / А речная вода – это ж кровь моя, / А речная вода – это ж кровь моя. / Ключевая вода – это ж слезы мои, / Ключевая вода – это ж слезы мои... (Гуру Песен. <https://pesni.guru>); фр. *Le bon roi Dagobert a mis sa culotte à l'envers ; Le grand saint Éloi Lui dit : Ô mon roi ! Votre Majesté est mal culottée. C'est vrai, lui dit le roi, Je vais la remettre à l'endroit* (Bon roi Dagobert. <https://dessinemoiunehistoire.net/chanson-le-bon-roi-dagobert>). / Добрый король Дагобер / надел штаны задом наперёд; / Великий Святой Элои / сказал Ему: О мой царь! / Ваше Величество / надел штаны задом наперёд. / Это правда, сказал ему король, / я переодену штаны как надо.

5. **Прецедентные тексты популярной культуры** (крылатые, культовые фразы, клише, *répliques cultes, catch phrases*): рус. Нравится, не нравится – терпи, моя красавица (фраза из песни российской группы 90-х годов «Красная плесень»); рус. Меня царицей соблазнили, но не поддался я. Торопиться не надо. Сесть я всегда успею (фильм «Иван Васильевич меняет профессию»); Не учите меня жить, лучше помогите материально (фильм «Москва слезам не верит»); Шампанское по утрам пьют только аристократы или дегенераты (фильм «Бриллиантовая рука»); фр. *On ne veut plus des miettes, on veut la baguette / on veut notre part du gâteau / on veut la boulangerie* (30 citations sur miettes, proverbes, phrases et pensées. <https://www.dicocitations.com/citation.php?mot=miettes>). / букв. 'Больше не хотим крошек, хотим багет / хотим нашу часть пирога / хотим булочную' = Компромиссы не нужны, нужны кардинальные решения (Протестный лозунг социального движения во Франции XXI века); фр. – *Il s'appelle Juste Leblanc. – Ah bon, il n'a pas de prénom? – Je viens de vous le dire Juste Leblanc... Votre prénom c'est François, c'est juste? Eh bien lui c'est pareil, c'est Juste.* / – Его зовут Нетакли Леблан. – А! У него что, нет имени? – Я только что его назвал: Нетакли Леблан... – Ваше имя Франсуа, не так ли? А его имя Нетакли (фильм «Le dîner de con» = «Ужин с дураком»).

Термин «лингвокультурема», рассматриваемый нами как этнокультурный концепт, относится к единицам, несущим культурную информацию, иными словами, к культурно маркированным терминам. По нашему мнению, рассматриваемый концепт тезисно обозначает:

1. Любой «сигнификативный суппорт» (смысловая опора) в данной культуре.

2. Все этнокультурные факты, характерные для самых разных областей специализации: литературы, семиотики, лингвистики, переводоведения, феноменологии, театральной семиотики, социологии, сравнительного правоведения (Седых, 2022).

Это понятие занимает привилегированное место в переводоведении, что соответствует важности, придаваемой процессу опосредования коммуникации посредством перевода. Сложность формирования и восприятия концепта обусловлена множественностью реальностей, к которым он относится. Усвоенный и принятый теоретиками перевода и переводчиками, этот концепт отвечает теоретической потребности, состоящей в переоценке некоторых эпистемологических аспектов, первоначально анализируемых лингвистикой (например, коннотации, семантические поля), с целью построения адекватного критического аппарата исследования.

Лингвокультура отсылает к экстралингвистическому контексту, к ситуации, отсюда их историческая, культурная, литературная природа. Лингвокультура близка к неологизму, заимствованию или «традуктеме» (Седых, Марабини, 2021), но не «сливается» с ними. Определенные неологизмы или заимствования являются либо особыми стилистическими элементами, либо проявлениями литературного снобизма. Сколь «богатыми» деривативными средствами и инструментами персонализации ни обладал авторский стиль, столь же богатым оказывается потенциал переводческих приёмов и инструментов, необходимых для осуществления адекватных межкультурных трансформаций. В отличие от коннотаций, которые актуализируют иное, чем лексическое значение, но в определенном языковом контексте.

Итак, лингвокультура синергетически коррелирует с любым культурным фактом, книгой, статьёй, конференцией или с любой другой формой культурной коммуникации, признанной таковой и предназначенной «для внутреннего потребления» в конкретном языковом сообществе. В этой перспективе мы подчёркиваем важность выявления этой единицы, несущей культурную информацию, для правильного понимания ее информативного содержания и важность ее адекватного повторного выражения (перевода) в ходе **межкультурного трансфера**.

Межкультурный трансфер

Принятие во внимание «культурных трансферов» в эволюции человеческих культур и цивилизаций не является чем-то новым. Рискнув навязать эту точку зрения, мы можем утверждать, что, например, в этнологии изучение культурных обменов как центрального явления для понимания развития обществ рассматривалось как решение определенных эпистемологических проблем, поставленных культурным эволюционизмом (Рикёр, 2004).

Сам термин «трансфер» приходит в гуманитарные науки, в частности в языкознание, из психоанализа, где он обозначает: процесс, согласно которому в психоанализе пациент актуализирует свои детские конфликты, проецируя на терапевта образ своих родителей и чувства (желания, болезненные переживания, открытые сексуальности и т. д.), которые он испытывал по отношению к ним (Laplanche, Pontalis, 2007).

Выражение «осуществить трансфер» вошло в повседневный язык. Оно нашло себя в средствах массовой информации, в обычном общении, в художественных произведениях, в спорте. Как это ни парадоксально, данное выражение утратило своё первоначальное лексическое значение. Однако благодаря трансферу психоанализ позволил выявить процесс, который касается любого человека и мира, который он создаёт и в котором живёт. Потому что то, о чем идет речь, а именно об универсальном психологическом механизме проецирования субъективного содержания на объект, имеет место не только в психотерапевтических инструментах или психоаналитическом лечении, но также присутствует в самых обычных отношениях повседневной жизни.

В лингводидактике феномен трансфера соответствует тому факту, что коммуникативный навык, приобретенный на одном языке, приобретает и на другом. В зависимости от сферы языковой и дискурсивной деятельности этот усвоенный когнитивно-коммуникативный багаж бывает более или менее прочным, так как вместе с языковыми фактами приобретаются культурные и, как результат, межкультурные навыки (Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018).

В нашем исследовании мы употребляем термин «межкультурный трансфер», который обозначает исследовательский концепт, основанный на признании того, что люди всегда жили и продолжают жить во взаимосвязанном мире. Человек перемещается и при этом переносит идеи и предметы через континенты и океаны. Такие перемещения сформировали все человеческие общества и культуры по всему миру.

После культурного поворота в гуманитаристике конца XXI века перевод всё чаще рассматривается как межкультурный трансфер, в частности как коммуникативная стратегия, делающая возможным эффективное общение между культурами. Любая сфера общения является культурной областью, занимающей важное место среди фундаментальных когнитивно-коммуникативных практик социума. Роль социальных институтов и разделяемых общенациональных ценностей невозможно полностью понять, если не рассматривать их как часть национальной культуры, и в то же время культуру невозможно понять в её целостности, не обращая внимания на лингвокогнитивный формат познания мира, выражаемый через национальный язык.

Многие исследователи ссылаются на культурную принадлежность языка, но понятие «языковая культура» не поддается единообразному определению. Существует множество различных попыток всестороннего определения «языковой культуры», одна из них, и мы разделяем это мнение, описывает ее как «идеи, отношения, ценности, убеждения и модели поведения в отношении культуры и этико-эстетической системы социума» (Pruvost, 2005, p. 8). Добавим, что языковая культура интегрирует в себе дискурсивные и ментальные структуры, и её следует отличать, например, от официальной идеологии и правовой культуры.

Зависимость языка от культуры и культуры от языка открывает возможности для потенциально плодотворного синтеза на уровне категории «менталитет», возникающего из общих значимых установок, а также коллективного общего мировоззрения и принятия общенациональных норм общения как части каждодневного существования индивидов в конкретном социуме. Именно менталитетный уровень играет ключевую

роль в восприятии иной культуры. Это восприятие базируется на способности к реализации трансфертных процедур, например в формировании билингвизма, когда человек принимает в качестве основного языка, используемого дома, язык, отличный от его родного языка.

Здесь возникает ряд сложностей, которые можно категоризировать следующим образом:

1. Лингвистическая сложность, которая может поддаваться эмпирической оценке и, следовательно, существует как объективная сложность. Она присуща языку и иногда называется «абсолютной сложностью» (Rastier, 2009). Именно к этому типу сложности, независимому от использования языка и познания пользователей, относятся типологические исследования. Здесь выделяется глобальная лингвистическая сложность, то есть типологическая сложность языка.

2. Второй вид сложности – сложность использования («сложность, связанная с агенсом» у В. И. Даля (2004, с. 11)), которая касается пользователя языка. Это сопряжено с обращением носителей языка к родному языку, с его «присвоением» и, следовательно, с когнитивными издержками (трудностями), которые эта область деятельности создает для пользователя. Этот уровень иногда еще называют «относительным», а именно коррелирующим с «типологией пользователей и коммуникации» рассматриваемого языка с точки зрения психолингвистики (Rey, 2020).

3. В области овладения вторым языком возникает так называемая «когнитивная» сложность (Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022), которая определяется на уровне вторичной языковой личности как часть опыта в освоении целевого иностранного языка, так как является результатом субъективных личных, психологических или социальных факторов (способности, память, мотивация, природа исходного языка). Это позволяет отнести когнитивную сложность к переменной величине, при этом данный тип сложности также включает в себя лингвистическую (абсолютную) сложность, а также и относительную сложность узуса, и в этом смысле когнитивная сложность обладает вполне объективными свойствами, которые следует преодолевать для создания достаточных условий для адекватной межкультурной коммуникации.

Вышеуказанная типология сложностей не претендует на исчерпывающий обзор всех препятствий в области межкультурной коммуникации, тем не менее учёт данных типологических характеристик является неизбежным этапом в процессе реализации межкультурного трансфера, как минимум в процессе поиска языковых средств для адекватного перевода.

На уровне языковых структур межкультурный трансфер осуществляется при помощи когнитивно-коммуникативного механизма **транскультурного моделирования**.

Перевод и транскультурное моделирование

Мы рассматриваем переводческий процесс как одну из «коммуникативно-когнитивных технологий с точки зрения перспектив моделирования адекватного алгоритма перевода» (Седых, Марабини, 2021, с. 135). Некоторые учёные называют перевод термином «межкультурный трансфер» (Огнева, 2021), тогда как мы считаем, что этим термином следует обозначать не столько сам перевод, сколько межкультурную ретрансляцию *идиокультурного знания*, осуществляемую в процессе переводческой деятельности. Идиокультурный комплекс представлений о действительности характеризуется относительной уникальностью признаков, отражающих специфику мировоззрения и картины мира конкретной лингвокультуры.

Наибольшей интенсивностью культуро-специфического сигнификата обладают фразеологические единицы, которые мы рассматриваем в самом широком смысле содержания термина «фразеологизм», относя к данной категории устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, афоризмы.

В этой перспективе фразеологические лексемы могут быть рассмотрены как *лингвокультураны*, так как они обладают сходными структурно-семиотическими признаками: межуровневостью, диалектикой лингвистического и экстралингвистического содержания, знаковой триадой денотата, сигнификата и культурных коннотаций. Именно фразеологизмы представляют особую трудность для межъязыковой транскодировки, обусловленной комплексом лингвистических, узусных и когнитивных сложностей. Решение данной проблемы видится в реконструкции комплексной транскультурной модели перевода, релевантной для отправного и искомого высказывания, иными словами – от исходной лингвокультураны на иностранном языке (ИЯ) к адекватной лингвокультуране на переводном языке (ПЯ).

Для иллюстрации вышеизложенной концепции представим многоактную комплексную транскультурную модель А. П. Седых, схема которой тезисно изложена ниже и которая была опробована в двух группах студентами-русофонами и студентами-франкофонами.

Русофоны

1. «Первый этап включает в себя поиск словарных соответствий, описание лексического материала, грамматики и синтаксиса в исходном высказывании» (Седых, Гливиц, 2011, с. 126).

Рассмотрим функционирование предлагаемой модели на примере анализа французского фразеологизма ***Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours*** (Pruvost, 2014).

Il y a – безличный оборот наличия объектов = абсолютное настоящее; *ne point* – усиленное отрицание; *de belles prisons* – «красивые тюрьмы» = партитивный оксюморон, существительное с неопределённым артиклем во множественном числе; *ni* – «ни» = отрицательная частица; *de laides amours* – «уродливая любовь» = партитивный оксюморон, существительное с неопределённым артиклем во множественном числе. Синтаксис: простое предложение, прямой порядок слов. Буквальный перевод: 'Не существует вовсе ни красивых тюрем, ни уродливой любви'.

2. «Второй этап – построение и визуализация логико-геометрической структуры, определение модальности и вербализуемого в высказывании концепта (концептов) <...> обусловлен образно-ассоциативными способностями человеческого сознания. Данный этап осложняется поиском довольно большого количества

информации о содержании высказывания и связан с представлением, на которое действительно опирается носитель языка, описывая пространство с учётом геометрических характеристик объектов» (Седых, Гливич, 2011, с. 127). Этап характеризуется выявлением множественных характеристик, обозначаемых исходной лингвокультуремой: качество/количество; взаимодействие с другими объектами; модальность; форма/размер; существенные (физические, химические) свойства обозначаемых объектов; ориентация в пространстве; способ геометрической концептуализации; функция; значимые части объекта. Это не означает, что каждый объект обладает всем набором вышеперечисленных признаков. Здесь важен «индивидуальный» подход к обозначаемым референтам. По мысли А. П. Седых: «Система работы на данном этапе опирается на принципы: а) смысл как схема или проекция действительности в язык; б) человек мыслит не отдельными семантическими признаками и их множествами, а цельными образами, контурами, профилями, при помощи которых он проводит аналогии и заменяет их один на другой в метафорических контекстах» (Седых, Гливич, 2011, с. 127).

Выстроим логико-геометрическую структуру рассматриваемого высказывания с учётом характеристик модальности и вербализуемого концепта, которая может быть сведена к следующим позициям:

Постоянство качественных (внутренних) признаков вне зависимости от эстетики внешних формальных данных. Объединение логически несочетаемых референтов: красота и место заключения, высокое чувство и физическая непривлекательность. Алетическая модальность: объективно, возможно/невозможно. Аксиологическая модальность: субъективно – хорошо. Функция объекта: неизменность внешних свойств, отсутствие модификаций в результате внешнего воздействия. Типология взаимодействия с внешним миром базируется на внутренних характеристиках субъекта. Концепт: фатальность жизненных ситуаций, встреч, судьбоносность.

3. «Третий этап: момент формирования смыслового вывода, на основе которого будут делаться версии перевода. Смысловой вывод строится с учётом логико-семантической схемы высказывания и вербализованного концепта» (Седых, Гливич, 2011, с. 128). Смысл высказывания рождается в результате анализа эксплицитной и имплицитной семантики рассматриваемого фразеологизма, что приводит к различным вариантам умозаключения:

а) То, что нам не нравится, никогда не кажется красивым, а то, что нам нравится, никогда не кажется уродливым (*Ce qu'on n'aime pas ne paraît jamais beau, et ce qu'on aime ne paraît jamais laid* (Expressions, Proverbes. <https://www.france-pittoresque.com/spip.php?rubrique888>));

б) На свободе я смотрел только на физические качества, но, оказавшись в тюрьме, я понял, что главное – душа (*Dehors, je regardais que le physique, mais à l'intérieur, j'ai compris que c'est le cœur qu'est essentiel* (31 Tomber... amoureux. 17.11.2007. <https://banpublic.org/31-tomber-amoureux>)).

в) Мы прощаем все женщине, которую любим. Вот что делает любовь такой удушающей (*On pardonne tout à la femme qu'on aime. C'est cela qui rend l'amour si étouffant* (31 Tomber... amoureux. 17.11.2007. <https://banpublic.org/31-tomber-amoureux>)).

г) В некрасивой тюрьме может быть красивая любовь; Тюрьма – ужасна, любовь – прекрасна; Полюбить тюрьму нельзя, можно любить только что-то прекрасное; Безысходность тюрьмы – безысходность любви; Любовь и тюрьму сравнить нельзя; Любовь пришла, отворяй ворота (из ответов российских студентов).

4. «Четвёртый этап: этап поиска версий перевода, одна из которых может оказаться переводным эквивалентом» (Седых, Гливич, 2011, с. 129).

Любовь слепа; Любовь зла – полюбишь и козла; Любовь не видит недостатков; Не по хорошему мил, а по милу хорош.

5. Пятый этап: отбор или реконструкция точного этнокультурного эквивалента.

Не по хорошему мил, а по милу хорош; Любовь зла – полюбишь и козла.

Франкофоны

1. Любовь зла – полюбишь и козла

Любовь – существительное женского рода; *зла* – краткое прилагательное от «злой»; *полюбишь* – глагол в повелительном наклонении; *и* – союз; *козла* – существительное мужского рода (*L'amour est un nom féminin; mal – adjectif court du mal; aimer – verbe à l'impératif; et – conjonction; bouc – nom masculin*). Синтаксис: простое предложение, осложнённое императивом (*Syntaxe: phrase simple compliquée par l'impératif*). Буквальный перевод: *L'amour est méchante, tu aimeras même le bouc*.

2. Логико-геометрическая структура высказывания, модальность, концепт:

*Оценочное высказывание, парадоксальное качество чувства и неизбежное следствие данного парадокса. Причинно-следственные связи: высокое чувство и физическое отторжение. Алетическая модальность: объективная возможность. Аксиологическая модальность: субъективно – плохо. Функция объекта: неизменность внутреннего качества, негативные последствия. Типология взаимодействия с внешним миром: негативный план содержания и осуществление категорического императива вне зависимости от субъективного желания. Концепт: неподконтрольность жизненной экзистенции, случайных встреч (*Un énoncé évaluatif, une qualité paradoxale du sentiment et une conséquence inévitable de ce paradoxe. Relations de cause à effet: émotion élevée et rejet physique. Modalité aléthique: une possibilité objective. Modalité axiologique: subjective – mauvaise. Fonction de l'objet: constance de la qualité interne, conséquences négatives. Typologie de l'interaction avec le monde extérieur: un plan de contenu négatif et la mise en œuvre de l'impératif catégorique, indépendamment du désir subjectif. Concept: "manque de contrôle" de l'existence de la vie, rencontres fortuites*).*

3. Смысловой вывод

а) Любовь не только зла, но и слепа (*L'amour n'est pas seulement méchant, mais aussi aveugle*);

б) Любовь по своей сути эгоистична (*L'amour est donc fondamentalement égoïste*);

в) Любовь – это немотивированность выбора объекта в его индивидуальности и уникальности (*L'amour est le choix non motivé d'un objet, de son individualité et de son unicité*);

- г) Приглынулся монстр красавцем (*J'ai aimé le beau monstre*);
 д) Нет неправильной любви, кого бы ты ни полюбил (*Il n'y a pas de mauvais amour, peu importe qui tu aimes*).

4. Версии перевода

L'amour est aveugle (Любовь слепа); *Une personne amoureuse ne voit pas les défauts de l'objet de son amour* (Влюблённый человек не видит недостатков объекта своей любви); *Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours* (Нет красивых тюрем, как нет уродливой любви).

5. Эквивалент

Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours (Нет красивых тюрем, как нет уродливой любви).

Как указано выше, содержание лингвокультурем было подвергнуто когнитивно-коммуникативной обработке сначала носителями русского языка, а затем – французского языка. Русофоны «прошли путь» от фразеологизма *Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours* до русского фразеологизма *Любовь зла – полюбишь и козла*, франкофоны – в обратном порядке, от *Любовь зла – полюбишь и козла* до французского предложения *Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours*.

Прокомментируем этапы анализа вышеприведённой пословицы, рассматриваемой нами в качестве одной из ключевых лингвокультурем французской языковой культуры, среди которых можно также выделить ряд значимых для национальной французской картины мира фразеолокультурем: *On ne fait pas d'omelette sans casser des œufs* (Не разбив яиц, омлета не приготовишь); *Il n'y a pas de grenouille qui ne trouve son crapaud* (Нет лягушки, которая не нашла бы свою жабу); *Les vieilles mouches ne se laissent pas engluer ni prendre aisément* (Старых мух не так-то легко поймать на клейкую ленту). К подобным культурно значимым фразеологизмам можно отнести и русские лингвокультуремы: Не красна изба углами, а красна пирогами; Старого воробья на мякине не проведёшь.

Первые две позиции (*Словарные соответствия / Лексика / Грамматика / Синтаксис; Логико-геометрическая структура / Модальность / Концепт*) являются подготовительными для последующих этапов формирования адекватной модели перевода и связаны с базовым лингвистическим анализом высказывания, а также с построением и процедурой лингвосемиотической визуализации содержания исходной лингвокультуремы. В этой перспективе студентам было предложено использовать рисунки и геометрические фигуры. В частности, наиболее частотными для рассматриваемой пословицы в группе русофонов оказались рисунки зачеркнутого красивого здания с надписью «тюрьма» и иконки уродливого монстра с перечёркнутой надписью «любовь». Для франкофонов также в большинстве своём отмечены подобные перечёркнутые изображения со словами «*amour*» (любовь) и «*bois*» (козёл, который во французском языке в переносном значении обозначает нечистоплотного и похотливого человека).

Два последующих этапа (*Смысловый вывод; Версии перевода*) включают в себя поиск универсальных общечеловеческих смыслов, содержащихся в исходном тексте. Эта часть работы связана с осуществлением перехода от буквального смысла высказывания (исходного суждения) к новому суждению на более высоком уровне абстрагирования.

Заключительный этап (*Выбор переводческого эквивалента*) представляет собой метод перевода, также называемый культурной заменой или культурным эквивалентом, заключается в замене культурной реальности исходного языка при помощи другой реальности, адаптированной к культуре целевого языка. По сути дела, это означает процесс лингвокультурного целеполагания, основанный на межъязыковой и межкультурной трансформации одной лингвокультуремы языка-донора в другую лингвокультурему, соответствующую этнокультурному семиотическому коду языка-реципиента.

Данный опыт предпереводческой обработки лингвокультурем в группах носителей дистанционных языков индуцировал некоторые уточнения по содержанию термина «транскультурная модель», а именно – определения «транскультурный».

Итак, «транскультурный» – прилагательное, сочетающее в себе латинский префикс *trans* и понятие культуры (культур). Этот термин происходит от концепции транскультурации, разработанной кубинским антропологом и этнологом Фернандо Ортисом Фернандесом. Он используется для обозначения контактов между несколькими культурами, так же как «межкультурный» и «мультикультурный». Если последние два понятия описывают явления, возникающие в результате контакта между несколькими относительно автономными культурными системами, то термины «транскультурный» и «транскультурность», со своей стороны, применяются ко множественному числу культурных идентичностей, которые в определённой мере ставят под сомнение репрезентацию автономии культур (Ortiz, 1991). Как предполагает приставка «транс-», транскультурный подход лежит за пределами культуры: он обеспечивает доступ к метаяуровню, способствующему созданию межкультурных коннотаций.

Транскультурность характеризует наш сегодняшний мир, в котором такие средства массовой информации, как Интернет или телевидение, а также современные средства коммуникации помогают способствовать контактам и смешению культур. Результатом является большее культурное разнообразие внутри одной «нации», а также усиление межкультурной компетентности. Можно сказать, что транскультурная модель – концепт, в который может «инвестироваться» каждый член социума, независимо от своей национальности.

Заключение

Итак, лингвокультурема, определяемая как наименьшая языковая единица, несущая лингвокультурную информацию, одновременно является и теоретическим концептом, репрезентирующим культурную реальность, специфичную для одной культуры, которая не обязательно присутствует в другой.

Лингвокультурема, часто изучаемая в сочетании с понятием «традуктема», позволяет идентифицировать и разделить текст на единицы перевода и культурные единицы, однако при этом очень трудно с точностью сказать, что каждая переводимая единица является культурной единицей. Предполагается, что правильное понимание текста облегчит задачу переводчика и обеспечит успех языкового и культурного переноса при соблюдении замысла автора текста в исходном культурном контексте. Можно сделать вывод, что лингвокультурема может стать объектом изучения переводоведения и интегрировать метаязык специалистов данной области после тщательного анализа, направленного на следующие аспекты: подход к описанию лингвокультуремы профессионалами, стратегия, принятая специалистами при определении термина и установлении его смыслового поля, изучение значений понятия в переводоведении и в теории межкультурного трансфера.

В этом смысле предпринятый в работе семиотический анализ фразеологизмов, представляющих функциональные единицы в лингвистике, позволил сравнить дискурсное поведение изучаемых единиц с целью разграничения особенностей понятия лингвокультуремы. С этой точки зрения, стратегия анализа динамического функционирования лингвокультуремы, основанная на устранении возможных суперпозиций понятий, достигла своей цели.

Избранный когнитивно-коммуникативный подход призван стать конкретным методологическим инструментом, ориентиром для переводчиков, сталкивающихся с трудностями при перевыражении единиц, несущих культурную информацию. Осуществлена попытка показать, что лингвокультурема – это действующее понятие в теории, практике и критике перевода. Как и другие понятия того же рода (например, «традуктема»), лингвокультурема – понятие относительное. В теоретическом и практическом контексте, специфичном для переводческого подхода, концепт воспринимается как единица, несущая культурную информацию. С целью своей идентификации переводчик вводит в действие единицы мысли или единицы значения, а не функциональные единицы.

В зависимости от общего контекста, интенции исходной культуры и исходного значения лингвокультурема может быть передана с помощью простых или сложных лексических единиц, синтагм или фразеологизмов, идиоматических выражений или аллюзий. В этом смысле можно говорить о нулевой единице перевода, когда лингвокультурема и традуктема отсутствуют в целевом тексте.

Лингвокультурема является частью индивидуального, а не коллективного процесса, что объясняет ее большую изменчивость. В свете проведенного анализа можно суммировать характеристики лингвокультуремы: 1) монокультурный характер; 2) относительность статуса; 3) автономность по отношению к переводу.

Как было показано, в определении понятия лингвокультуремы задействовано несколько факторов. Многие факторы также участвуют в передаче смысла из одной культуры в другую. Это объясняет, почему переводчик использует различные процессы на целевом языке, такие как пояснения, комментарии, аллюзии лингвокультурем или понятий, относящихся к культуре, общей для пользователей исходного языка. В таких ситуациях переводчик не следует четким, общепринятым правилам, его метод работы ближе к инструментальному методу, чем к документальному.

В работе была предложена транскультурная модель как инструмент межкультурного трансфера при переводе фразеологической лингвокультуремы. Процедура выявления переводческого эквивалента была отражена в операциональной трёхактной схеме, которая концептуально укладывается в следующий вектор семиотических цепочек: от означающего (потенциала означающих), через мыслеобраз (визуализируемый когнитивный универсум) к искомому означающему (захват релевантного номинанта). Результаты проведённого эксперимента в разноязычных группах показали действенность и эффективность транскультурной модели, которая позволила прийти к выявлению сходных когнитивно-коммуникативных механизмов поиска и обретения искомого этнокультурного эквивалента в форме релевантной лингвокультуремы.

В рамках проведённого исследования также осуществлена лингвосемиотическая интерпретационная реконструкция элементов метакультурного дискурса. Ключевым для проекта явилось выявление когнитивно-коммуникативного статуса лингвокультуремы и её актуальности для современного человека с точки зрения выбора адекватной модели дискурсного восприятия и конструктивной коммуникации.

Полученные данные позволили выявить ряд важных элементов лингвосемиотического воздействия на мышление переводчика, необходимых для осуществления адекватного перевода как межкультурного трансфера, связанного с активизацией динамики развития высокотехнологичных форматов лингвосемиотических и лингвокультурных данных, на путях создания новой лингвокультуремной аксиологии с целью оптимизации моделей когниции и коммуникации, как в теории, так и в практике не только переводоведения, но и в общем языкознании.

Достигнутые результаты показали важность дальнейших разработок транскультурной парадигмы в русле постоянно обновляющегося филологического знания, в частности переводоведения, а также позволили обнаружить на уровне его функционирования информацию о коллективных и индивидуальных элементах мировоззрения и когниции лингвокультурологического сообщества и национально-культурной идентичности. Перспективы дальнейших изысканий видятся в расширении эпистемологической и эмпирической базы исследования за счёт внедрения инновационных подходов и моделей в рамках контрастивного анализа лингвокультурем дистантных языков и культур с целью обогащения существующих и создания новых этнокультурных корпусов национальных языков.

Источники | References

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.
2. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
3. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. тр. Волгоград, 2007.

4. Огнева Е. А. Транскультурное моделирование как переводческий трансфер текстового коммуникативного формата знания // Лексикография и коммуникация – 2021: сб. мат. VII междунар. науч. конференции (г. Белгород, 15-16 апреля 2021 г.). Белгород: БелГУ, 2021.
5. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
6. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
7. Седых А. П., Бузинова Л. М., Иванова В. Р. Психомеханика дискурса французской моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20230333>
8. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.
9. Седых А. П., Гливич Е. И. Алгоритм учебного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. № 14.
10. Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учеб.-метод. пособие. Белгород, 2021.
11. Babu J.-Ph. Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l'article: Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris-Sorbonne. P., 2014.
12. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957 / éd. par G. Plante. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
13. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
14. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
15. Kristeva J. Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
16. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
17. Ortiz F. Contrapunteo cubano del tabaco y el azúcar. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1991.
18. Pruvost J. Dictionnaires et nouvelles technologies. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.
19. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. No. 137.
20. Quemada B. Notes sur lexicographie et dictionnaire // Cahiers de lexicologie. 1987. No. 51.
21. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
22. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
23. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.
24. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. No. 4.38.
25. Streeck J. Grammars, words, and embodied meanings: On the uses and evolution of so and like // Journal of Communication. 2002. Vol. 52 (3).
26. Tabachnick M. Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

Акимова Эльвира Николаевна², д. филол. н., проф.

Безкоровайная Галина Тиграновна³, к. филол. н., доц.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Белгородский государственный технологический университет

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

³ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

EN

Sedykh Arkadiy Petrovich¹, Dr

Akimova Elvira Nikolajevna², Dr

Bezkorovaynaya Galina Tigranovna³, PhD

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University;

Belgorod State Technological University

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

³ Plekhanov Russian Economic University, Moscow

¹ sedykh@bsu.edu.ru, ² akimovaen@mail.ru, ³ begati1@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.10.2023; опубликовано online (published online): 18.01.2024.

Ключевые слова (keywords): лингвокультурема; межкультурный трансфер; транскультурная модель; функциональная ономазиология; переводоведение; linguocultureme; intercultural transfer; transcultural model; functional onomasiology; translatology.